

Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде*

О. В. Соколова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация. Исследуются стратегии формирования нового универсального сверхъязыка, представленные в русском футуризме и американском авангарде. Кризис символизма, а также осознание культурного и социально-экономического перелома инициировали появление новых семиотических теорий, универсализацию автономного, стандартизированного языка клише и развитие новых коммуникативных возможностей. Общая идея универсализации языка получает различные варианты воплощения в русском и американском культурно-языковых контекстах. В аспекте поисков «универсального языка», развернувшихся на страницах журнала *transition*, концепции межъязыкового синтеза Дж. Джойса и Ю. Джоласа противопоставляются утилитарно ориентированной теории Ч. К. Огдена. Вавилонская концепция американского авангарда со- и противопоставляется теории русских футуристов (прежде всего, В. Хлебникова), ориентированной на поиск праязыка, который одновременно является «грядущим мировым языком в зародыше».

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

Соколова О. В. Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 268–283.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 1
© О. В. Соколова, 2015

Ключевые слова: универсальный язык, межъязыковой синтез, транснациональная коммуникация, русский футуризм, американский авангард.

УДК 81'42

Контактная информация: Соколова Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИЯ РАН (Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, 125009, faustus3000@gmail.com)

Экономическая глобализация и необходимость интернационального общения в конце XIX в. стимулировали развитие «универсальных» языков. За основу «международных вспомогательных языков», эсперанто и волапюка, сконструированных в 1880-е гг., были взяты европейские и, в частности, романские языки.

Революционные тенденции, стремление представить новую динамичную реальность и преодолеть сковывающую человечество языковую дифференциацию стали стимулом для формирования теорий универсализации ряда философов и поэтов модернизма и авангарда (В. Беньямин, П. Элюар, В. Соловьев, А. Штрамм, Ф. Пессоа и др.). Однако наиболее одержимыми стремлением воплотить бунтарский дух нового времени и наиболее последовательными в реализации этой цели оказались русские футуристы и американские авангардисты.

Несмотря на наличие сходной цели – универсализации автономного, стандартизированного языка клише, необходимо учитывать специфику возникновения и воплощения этих теорий в разных национальных контекстах. Появление новых семиотических теорий, размышление о природе знака и формирование теории «слова как такового» было обусловлено кризисом символизма. Художественно-эстетические принципы футуризма строились на необходимости формирования радикально нового языка для выражения новой реальности. Только преодоление косного трехмерного восприятия реальности и выход за границы человеческого сознания могли привести к расширению семантического, экспрессивного и коммуникативного потенциала речи и созданию заумного языка. Борясь с узурпацией словом, подчиненного предметно-понятийному значению, футуристы восстанавливают утраченное словом глобальное, внесмысловое и сверхразумное значение, организованное соединением звуковых и визуальных компонентов. Такое освобождение слова и языка от стандартных функциональных законов приводит и к преодолению разрыва между индивидуальным и коллективным, рациональным и иррациональным, создавая возможность развития новых коммуникативных возможностей.

Значимость прагматики для авангарда, связанная с нарушением автоматизма восприятия сообщения адресатом, неоднократно подчеркивалась исследователями [Шапир, 1995; Иоффе, 2014]. При этом заявленное рус-

скими футуристами и американскими авангардистами разрушение инерции и автоматизма на межъязыковом и общечеловеческом уровнях открывает возможность максимального повышения перформативного потенциала ¹ авангардного языка и текста.

Заумный язык получает в русском футуризме статус вселенского: «Ясное и решительное доказательство тому, что до сих пор слово было в кандалах, является его подчиненность смыслу; до сих пор утверждали: “мысль диктует законы слову, а не наоборот”. Мы указали на эту ошибку и дали свободный язык, заумный, вселенский» [Крученых, 1967, с. 65–66].

Во второй половине 1920-х – 1930-х гг., когда не только были живы воспоминания о Первой мировой войне, но, более того, в социуме витало ощущение неизбежности новой войны, «универсальный язык» понимается как способ избежать новой катастрофы. Движимый мирными целями, американский лингвист Ч. К. Огден заявляет: «Сегодня так называемые национальные барьеры, – это, прежде всего, языковые барьеры. Отсутствие единого средства коммуникации – это главная помеха к международному пониманию и, соответственно, основная причина Войны» [Ogden, 1934, p. 18]. Характеризуя период зарождения универсального языка, В. В. Фещенко пишет: «Многоголосица и полиглотизм не в последнюю очередь были вызваны общей обстановкой в структуре мира – чередой кризисов, миграций, войн и прочих процессов» [2006, с. 707].

Стремление противостоять наступившему «неврозу языка» [Jolas, 1998, p. 2] и осознание необходимости повышения коммуникативного потенциала получают развитие на страницах многоязычного журнала *transition*, ориентированного на ликвидацию языкового и культурного разрыва между Европой, Россией и США. Журнал издавался в конце 1920-х – 1930-х гг. в Париже американским поэтом, критиком, редактором и переводчиком Ю. Джоласом. Концепция Вавилона, выраженная в ориентации на множественность языков, их объединение и смешение, оказала большое влияние как на культуру начала XX в., так и на концепцию «универсального языка» Джоласа (как известно, автобиография Джоласа называется «Человек из Вавилона») и на идеологию и формат многоязычного журнала *transition*. В частности, в *transition* печатались тексты А. Блока, М. Зощенко, Ф. Кафки, К. Швиттерса и др., а также впервые были опубликованы главы романа «Поминки по Финнегану» Джойса под названием «Неоконченный труд».

¹ Вслед за Х. Арндт Г. Маркузе и переосмыслившим ряд их положений М. Джем под *перформативным потенциалом* понимается текст как действие, динамизирующее сознание реципиента и трансформирующее окружающую реальность, возможность текста [Arndt, 1968; Jaу, 2010]. При этом текстам, обладающим перформативным потенциалом, противопоставляются политические тексты, констатирующие факты, и миметические художественные тексты.

Несмотря на некоторую утопичность проекта Джоласа, направленного на смешивание «всех разговорных языков современной Америки» [Jolas, 2009, p. 178], значимым является то, что он смог позиционировать многоязычие не только как присоединение языков, но и как трансформацию самой основы языка под воздействием разных культур [Perloff, 2004, p. 95].

Концепцию Вавилона как межъязыкового и транскультурного синтеза, реализованную на страницах *transiition*, можно проиллюстрировать лимериком, написанным в честь публикации экспериментальной книги стихов Джоласа «Mots-Déluge» (1933) его другом и вдохновителем Джойсом:

VERSAILLES 1933

*There's a genial young poetriarch Euge
Who hollers with heartiness huge:
Let sick souls sob for solace
So the jeunes joy with Jolas
Book your berths: Après mot le déluge!*²
(цит. по: [Jolas, 1998, p. 112])

Для поэтики Джоласа характерно достижение максимальной концентрации смыслов в слове через сближение лексем разных языков, обретающих в окказиональном образовании дополнительные деривационные и семантические связи. В названии книги «Mots-Déluge» («Слова-потоп»), ставшей значимым этапом творческой эволюции Джоласа и оценивавшейся им самим как настоящий поэтический подвиг [Ibid.], зашифрована знаменитая фраза Людовика XV: *Après moi, le déluge* «После меня, хоть потоп». По мнению Ж. М. Рабате, фраза *После слова, потоп* обретает иной, противоположный первичному значению смысл, поскольку в ней подчеркиваются «многочисленные связи между старым, вооруженным Эго, непрекращающейся “Революцией Слова” и апокалиптическим предвидением конца времен» [Rabaté, 1999, p. 245]. Можно предложить и другой вариант интерпретации названия сборника, маркирующего не «апокалиптическое предвидение», но принцип эсхато-космогонического свержения старого языка с его «ржавым инструментарием» [Jolas, 2009, p. 179] во имя конструирования языка нового универсального формата.

Концепция Вавилона задает тональность и лимерика Джойса, который использует иноязычные вкрапления (фр. *jeunes* «молодые»), окказиональные формы, а также анаграммирует собственное имя: *jeunes joy*. Учитывая

² Перед вами гениальный юный поэтарх Юдж, / Который кричит с огромным воодушевлением: / Пусть больные души рыдают об утешении, / Потому что молодежь в Джоласе находит упоенье / Бронируйте койки на пароходе: После слова – хоть потоп! (Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – О. С.)

стремление поэтов к философскому обоснованию «вавилонских» лингвистических поисков, можно рассмотреть анаграмму Джойса не только как код собственного имени, но и как анаграммирование базовых идей и концептов, влияющих на организацию текста и субъекта. Зашифровка имени Джойса в предикативной форме (*joy* 'играть') позволяет отметить специфику субъектной структуры высказывания на «универсальном языке». Субъект не только деформирует устаревший язык, создавая межъязыковой формат общения, но и устраняет границы между поэтической и реальной коммуникацией. Кодируя свое имя в слове, обозначающем мифологическое, травестийное действие игры, он меняет вектор референциальных отношений между текстом и реальностью, где первичным оказывается текст.

Поиски «универсального языка», развернувшиеся на страницах журнала *transition*, имели несколько векторов развития. Глобальный поэтический эксперимент привлек интерес лингвиста Ч. К. Огдена с его теорией «международного вспомогательного языка» (*International Auxiliary Language*), или «бейсик-инглиш» (1925). Осознавая, что развитие науки и торговли вскоре коренным образом изменит реальность, превратив разрозненные страны в единую «мировую деревню», он утверждал, что стандартный английский должен быть «обогащен и космополитизирован», «тогда английский станет не только международным вспомогательным языком, но универсальным мировым языком» [Ogden, 1932, p. 13–14].

Утилитарно ориентированная теория Огдена противоречила принципу гегемонии поэтического видения, прокламируемого Джоласом. Тем не менее общие поиски универсального языка привели к публикации в марте 1932 г. проекта Огдена, который предложил перевод романа Джойса «Поминки по Финнегану» как образца «наиболее сложного человеческого языка» на «простейший» язык («бейсик-инглиш») ³.

В отличие от «вспомогательного» языка Огдена «универсальный» язык Джойса представлял собой сложную многоязычную систему, основанную на трехэтапной теории Дж. Вико ⁴. Джолас в статье «Революция языка и Джеймс Джойс» подробно рассматривает специфику «универсального языка» Джойса, определяя его как «лингвистическую мифологию»: Джойс реализует «теорию общих для всех языков истоков, создавая многоязычную художественную форму. Сопрягая в едином водовороте различные наречия... творит на страницах своих текстов альтернативную языковую вселенную» [Джолас, 2006а, с. 729].

³ Сопоставительный анализ текстов Джойса и Огдена представлен в работе [Sailer, 1999].

⁴ Дж. Вико выделял три этапа развития языка, выражавшегося на первой стадии посредством жестов, затем звуковые жесты дополнились визуальными и, наконец, язык стал исключительно голосовым, получив, таким образом, максимально абстрактную форму [McMillan, 1976, p. 196].

Опираясь на жестовую природу и «общие истоки всех языков», Джойс создает собственный вариант «универсального языка» в «Поминках»: «это праязык дремлющего подсознания НСЕ, Общечеловека, который Имеет Детей Повсюду» (в оригинале *Haveth Children Everywhere*) [Корнуэлл, 1998]. В «Поминках» полностью нарушаются структурные связи, а элементы текста обретают новые способы полусознательной и бессознательной организации. Популярны в то время теории З. Фрейда и К. Г. Юнга влияют на понимание Джойсом универсального языка как универсального сознания, обладающего общим «бессознательным фундаментом, у всех одинаковым» [Фрейд, 1998, с. 134]. Интерес Джойса к сконструированным международным языкам подтверждается и включением в текст фрагментов, написанных на эсперанто и волапюке.

Будучи не только поэтом, но и социальным критиком, в разработке своих лингвистических теорий Джолас восстает против существующих политических систем: «капиталистическое, захлёбывающееся деньгами общество, низводит покоренного человека до статуса “экономического животного”... и [с другой стороны] нарождается коммунистическая культура, представляющая собой обезьянничание по отношению к существующей экономической системе в своих попытках поддерживать революционную динамику, направленную на создание новой цивилизации» [Jolas, 2009, p. 426]. Джолас противопоставляет разлагающемуся социуму единственно жизнеспособную гегемонию языка и искусства, заявляя в первом номере журнала, что *transition* «продолжит отражать хаос, порожденный нашим временем... Мы будем ускорять процесс дезинтеграции “заплесневелых салонников”» [Jolas, 1928, p. 146–147]. Концепция «универсального языка» оказывается взаимосвязанной с теорией «революции слова и языка»: «писателю дано право разлагать первоматерию слов, навязанных ему учебниками и словарями», «ему дано право использовать слова собственного изобретения, не обращая внимания на бытующие законы грамматики и синтаксиса» [Джолас, 2006б, с. 729].

Представляется интересным сопоставить концепцию «универсального языка» и «универсального слова» Джоласа с теорией «вселенского языка» и «самовитого слова» русских футуристов (по-разному представленной в творчестве В. Хлебникова, А. Туфанова и А. Крученых), близость которых отмечалась в работах М. Перлофф [Perloff, 2004] и В. В. Фещенко [2006].

В обоих случаях языковые поиски становятся плацдармом для реализации социальной утопии: формирование межнациональной интеграции опирается на доминантную роль единого интернационального языка, определяющего конструирование новой реальности и нового социума⁵.

⁵ Как известно, поиски «универсального» языка авангардистами позднее обернулись (неожиданно для них самих) противоположным форматом языкового диктата в тоталитарных государствах.

Универсальный художественный язык создавался, прежде всего, с помощью трансформации имеющихся грамматических и семантических структур и формирования многоязычных неологических конструкций. Другой областью экспериментов стало обращение к этимологии и реконструкции праязыка. Совмещение приемов поэтической этимологизации и неологизации приводит к формированию «нового типа связности текста», описанного в работе Н. М. Азаровой: «в поэтической... этимологизации происходит снятие оппозиции синхронии и диахронии, то есть явление синхронно-диахронной диффузности» [2007, с. 93].

Важным прагматическим свойством нового типа текста и нового языка оказывается заложенная в нем интерактивность, являющаяся результатом его постоянной модификации и ориентированная на деятельную роль коммуниканта. Принципиальное отличие поэтических авангардных языков от сконструированных международных языков (эсперанто, волапюк и др.) заключается в том, что носитель языка получает не готовый «окаменевший» продукт, но динамичную систему, находящуюся в постоянном развитии. Интеракция представляет собой многоуровневую систему взаимодействия не только между участниками диалога, но и между интерактантом и языком. Модель такой деавтоматизированной коммуникации будущего представлена в многоязычных авангардистских текстах.

Учитывая ряд аспектов, отражающих типологическое сходство этих концепций, необходимо отметить различие материала – языков, привлекаемых для создания единого надъязыка. Если американские авангардисты вовлекали в сферу своих экспериментов самые разные языки мира (Джолас писал трехязычные стихи, Джойс использовал в «Поминках по Финнегану» около семидесяти языков), то межъязыковое взаимодействие в текстах русских футуристов представляет оживление застывших «тектонических» слоев общего праязыка и установление новых связей с современными славянскими языками⁶. Русские футуристы, стремясь к воссозданию «славянской культурной общности», уделяли большее внимание «сфере славянских древностей» [Баран, 1999].

Согласно В. Хлебникову, воссоздание утраченной культурно-исторической целостности человечества возможно только через конструирование заумного языка, являющегося одновременно и праязыком, и «грядущим мировым языком в зародыше». Вавилонская концепция реализуется у Хлебникова как «идея перевернутого Вавилона», или «“Вавилонской скважины”, которую он бурит сквозь толщу существующих языков с це-

⁶ В. Хлебников писал об истоках и процессах формирования заумного вселенского языка: «Заглядывать в словари славян, черногорцев и др. – собирание русского языка не окончено – и выбирать многие прекрасные слова, именно те, которые прекрасны... Запаситесь словарем чешским, польским, сербским и еще одним каким-нибудь и выбирайте слова, понятные сами по себе, например, чешское слово *жас* вместо русского *ужас*» [Хлебников, 1933, с. 298, 302].

лью отыскания праязыка» [Фещенко, Коваль, 2014, с. 288]. Метафорой общечеловеческого единства представляется движение каравана от народа к народу – или от «языка» к «языку» – в поэме «Хаджи-Тархан».

Иная концепция общечеловеческого единения, достижимого с помощью растворения индивидуального сознания и обыденного языка в коллективном бессознательном, выражаемом через заумный язык, представлена у А. Крученых. В его интерпретации заумный, вселенский язык является бессознательным языком масс. Об интересе футуристов, и прежде всего А. Крученых, к проблеме коллективного бессознательного свидетельствует обращение к работам З. Фрейда, а также отмеченная Е. А. Бобринской связь между характеристиками заумного языка и мифообразами, с помощью которых описывались толпы: «экстатическое состояние, душевные расстройства, детская речь, уподобление первобытному человеку» [Бобринская, 2015, с. 60].

Согласно лингвистической концепции Джоласа, новый язык должен привести не только к формированию интернационального единства, но и «человека нового типа» – «не коллективного, но универсального, гармоничного существа, объединяющего в себе импульсы духа и ощущение социума двадцатого века» [Jolas, 2009, p. 426], что перекликается и с постулатами русского авангарда, основной целью которого было «создание Нового Человека, нового общества, новой формы жизни» [Гройс, 2013, с. 10]. Развивая фрейдистскую и юнгианскую теории, он подчеркивает, что в новом человеке индивидуальное и коллективное должны слиться воедино, как сознательное и бессознательное, переходя в состояние универсального. При этом сдерживающим фактором, не позволяющим человечеству развиваться в гармоничной целостности, объявляются автономные языки, которые должны быть разрушены [Джолас, 2006а].

Обращаясь к параллелям между американской и русской концепциями универсального языка, В. В. Фещенко пишет: «нельзя не услышать в этой концепции “нового человека” и “человека цельного”, “человека универсального”, навеянного Джоласу Максом Шелером и Карлом Эйнштейном, перекличку с русскими теориями космизма (Флоренский, Бердяев, Сетницкий)» [2006, с. 707].

Джолас формирует новые принципы организации коммуникативного процесса, в основе которых лежит необходимость подсознательной, надсубъектной интеракции, перемещенной из внешней по отношению к реципиенту ситуации – внутрь. Стандартная коммуникация сменяется автокоммуникацией, приравняваемой в свою очередь, к универсальной коммуникации.

Одной из форм такой коммуникативной модели, комбинирующей автокоммуникацию и универсальную коммуникацию, стала авангардная форма

интеракции между Джоласом и созданным им гетеронимом – Тео Рутрой⁷, от имени которого публиковались многоязычные тексты Джоласа. Тео Рутра становится alter ego самого поэта, именем которого Джолас не только подписывает тексты, но и создает его биографию: «Чешский эмигрант, живущий в Бруклине», который был репортером, работающим в джунглях Миртл Авеню [Jolas, 1998, p. 109].

По поводу языковых средств реализации универсального языка можно отметить, что его создание началось с характерного авангардного «расшатывания синтаксиса», нарушения синтагматических связей и обретения словами статуса автономных единиц. Различные приемы нарушения узуральных синтаксических связей (отрицание ограничений по сочетаемости, анаколупф, или намеренная грамматическая неправильность, синтаксическая контаминация и др.) распространены и в текстах Хлебникова⁸. Оказиональный синтаксис нередко бывает связанным с включением в текст заимствований или новообразований:

Турки
Вырея блестящего и щеголя всегда — окурки
Валяются на берегу.
Берегу
Своих рыбок...
 [Хлебников, 1986, с. 45].

Синтаксическая неоднозначность текста создается за счет использования лексемы *вырей* (укр. *вирей*, *вирій*, блр. *вырый*, польск. *wyray*) со значением ‘южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна’. «Остраняющий» эффект создается за счет того, что в контексте *вырей* получает функции предметности и даже одушевленности (*Вырея блестящего и щеголя всегда*). Если предположить, что *щеголя всегда* относится к слову *турки*, то возникает нарушение в управлении падежами, которое дополняется фрагментацией синтаксической группы.

Нарушение когезии в текстах Джоласа достигается посредством отмены любых логических и синтаксических связей. Так, в стихотворении «Gulf» (‘Бухта / Бездна’) помимо отказа от пунктуации, демонтажа традиционной морфологии (*larms*), оказионального словообразования (*clirrs*) и активизации фоносемантики, Джолас отменяет традиционное деление слов на части речи:

⁷ Этимология имени Тео Рутра связана с семантикой божественного и хтонического: Тео греч. *theos*; Рудра санскр. रुद्र, *rudra* IAST, яростный, ревуший, красный; ведийское божество и одна из форм индуистского бога Шивы, связанная со смертью, охотой, грозой, ветром, бурей. Рудра персонифицирует гнев, ярость.

⁸ О синтаксических экспериментах В. Хлебникова более подробно см.: [Якобсон, 1998; Григорьев, 2000; Перцов, Перцова, 2005].

*This dies irea clirrs in brass
 Lide stupefiant sea
 Words bell in larms and herds of grass
 Thine name they shry to me*⁹
 [Rutra, 1927, p. 145].

В тексте демонстрируются частеречные переходы, и используется прием транспозиции грамматических форм, возникающей при интеграции разных языков в границах одного слова. Лексема образуется по окказиональной модели, определяемой сходством акустического облика слов¹⁰. В роли мотивирующего оказывается немецкое слово *Schrei* ‘крик’, которое записывается как английское с сохранением немецкой фонетики: *shry*. Деривационный процесс стимулируется соотношением звуковых оболочек немецкого слова (*Schrei* ‘крик’) и английского (*cry* ‘кричать’) благодаря приему паронимической аттракции. Выявляя внутреннюю форму немецкого слова, Джолас образует новый комплекс, в котором контаминируются разноязычные лексемы, в результате чего в тексте нарушаются стандартные синтаксические, но возникают новые семантические и фонетические связи. Одно и то же слово может занимать различные синтаксические позиции и реализовывать категориальные значения различных частей речи: *Thine name they shry to me* ‘Твое имя они крик / кричат мне’.

Параллельно с монтажом конвенционального синтаксиса пристальное внимание как русских, так и американских авангардистов привлекало интенсивное обновление словопроизводственного процесса. Слово – «универсальное» у Джоласа или «самовитое» у футуристов – оказывается в центре конструирования языковой системы будущего.

Именно в прерывании статического существования слова, раскрытии его деривационного и коммуникативно-когнитивного потенциала реализуется генеративный принцип авангардного искусства. Поэтическая этимологизация слова *Перуне*, которая осуществляется с помощью членения мотивирующей лексемы на части (*пря* и *уне*), позволяет наделить значением асемантические элементы и установить семантические связи между фрагментами комплекса:

*И станем верны, о, Перуне,
 Ты знаешь: путь изменит пря,*

⁹ Это день гнева освещает мемориальную доску / Страдаем от наркотического моря / Слова звонят в слезы и стада травы / Твое имя они крик / кричат мне.

¹⁰ Этот прием впервые появляется у Джойса и затем разрабатывается в текстах Джоласа. Говоря о влиянии Джойса на поэтику Джоласа, М. Перлофф отмечает, что ему была ближе джойсовская идея обогащения словаря, чем, например, кубистски ориентированная поэтика Г. Стайн с ее тенденцией к языковой концентрации и фрагментации [Perloff, 2004, p. 84].

Когда желтой и белой силы пря
 Перед тобой вновь **объединит нас в уне**
 [Хлебников, 1986, с. 85].

Морфемное членение слова Перуне актуализирует деривационные связи, не только воссозданные самим автором, но и отсылающие к общезыковым связям: *пря* (др.-русс.) спор, состязание, сохранилось в чешском *prže* 'спор, тяжба' и польском *prza*; *в уне* – ср. др.-русс. *ун(ый)* «юн(ый)».

Интерес к деривационным связям слов из разных языков и создание «самовитого» слова реализуется во включении в текст структур, подобных словообразовательным гнездам или парадигмам: *була была, мыть, мул*, где *бул* (укр.) 'был', *бути* 'быть'. Окказионализм *будинный* от (укр.) *будинок* 'дом' дополняется новыми семантическими и деривационными связями в контексте: *любочь (я) девин / бывалый. будинный. / хожалый. / кивалый*¹¹.

Для поэтики Джоласа характерно достижение максимальной семантической концентрации и прагматического эффекта слова с помощью открытия деривационных межъязыковых связей слов. Учитывая тенденцию, эксплицированную на страницах *transition*, к обогащению и «космополитизации» именно английского языка как способа международного общения, разрабатываются различные приемы его универсализации. Поэт использует прием редукции диакритических знаков, осуществляя компрессию смыслов и – шире – языков в границах одного слова. Написание французских слов без диакритиков выражает тенденцию к универсализации и синтезу языков: *stupefiant* (фр. *stupéfiant* 'изумительный, поразительный'), *eglogue* (фр. *églogue* 'эклога'), *menestrel* (фр. *ménéstrel*). В ряде случаев глобализация достигается с помощью отмеченного выше транскрибирования заимствований с использованием орфографии английского языка как обладающего более универсальной системой письма. Так, Джолас записывает умляуты с помощью диграфов: *troymer* (нем. *Träumer* 'мечтатель'), *haende* (нем. *Hände* 'кисти рук').

В семантическом отношении возможности раскрытия большего количества коннотативных связей возникают при образовании слова с помощью «межъязыковой контаминации», когда в новообразовании сохраняются следы обоих компонентов, относящихся к разным языкам: *larms* (фр. слезы; фр. *les* + англ. *arms* 'оружие'), *clirrs* (англ. *clear* 'очищать, освобождать'; фр. *clair* 'свет').

Употребление окказиональных форм сочетается с интересом к архаическим формам. В тексте «Rôdeur» ('Бродяга') поэт использует форму устаревшего второго лица единственного числа *Waitest, tremblest*, которая, однако, сочетается в тексте не с устаревшим местоимением *thou* 'ты',

¹¹ Примеры взяты из: [Перцова, 1995].

а с современной формой *you*. Включение в текст латинских выражений (например, *This dies irea* ‘Это день гнева’) позволяет провести параллель с макаронической поэзией.

*I mute in rain wind crow darkling
Nowhere stop you walkst in fir
Haende tasten apportez-moi du vin
Icy sleep the spider run*¹²
[Rutra, 1927, p. 144].

Джолас стремится к преодолению семантической дифференциации разноязычных слов, показывая сам акт рождения новых, интегрированных слов.

Завершая рассуждения на тему поиска «универсального» языка в русской и американской культурах, можно привести слова А. В. Скидана о том, что насыщенная, перешедшая в область политических, задача создания универсального языка сталкивается с определенной проблемой: «универсальный язык уже существует, но это не язык борьбы (в теории М. Хардта и А. Негри. – *O. C.*), а язык культуры индустрии, язык масс-медий, представляющих собой машину потребления позднего капитализма» [Скидан, 2014, с. 15].

Распространившийся в конце XX – начале XXI в. алгоритм обработки и презентации информации соответствует, скорее, принципам «бэйсик-инглиш», планового языка Ч. К. Огдена, поскольку форматирование, которому подвергается любое высказывание, направлено на смену восприятия реципиента в сторону программируемого движения между полюсами «панической тревоги и экстатической жизнерадостности» [Там же]. В этой модели язык функционирует как сжатое и экономичное технологическое средство [Ogden, 1932, p. 13–14]. В то время как универсальный язык авангардистов – постоянно развивающийся язык поэтов, разрушающий загнивающую цивилизацию «заплесневелых салонников» [Jolas, 2009, p. 179].

При этом, согласно М. Маклюэну, который проводит параллель между универсальным языком Джойса и современной электронной коммуникацией¹³, та симультанность, которая определяла устную коммуникацию и была утрачена в письменной, воспроизводится в многоязычных авангардных текстах, становящихся прототипами электронной революции [McLuhan, 1962, p. 250, 268–269; Маклюэн, 2006, с. 724].

¹² Я нем под дождем ветер кричит петухом в темноте / Ничто не остановит тебя / ты уходишь в хвойный лес / Кисти нащупывают принесите мне вина / Ледяной сон паук бежит.

¹³ М. Маклюэн разграничивает устный, письменный и электронный типы коммуникации по принципу передачи и получения информации [McLuhan, 1962].

Вероятно, проблема состоит в том, что развитие и универсализация средств коммуникации значительно обгоняют развитие «универсального» адресата нового типа, который обладал бы не рецептивным, но продуктивным восприятием. Только смена лингвистической оптики реципиента даст ему возможность превратиться из «Оно», или, в терминологии М. Хайдеггера, *das Man* как анонимного и безликого «люда», в носителя авангардного вселенского языка и равноправного участника-со-творца универсальной коммуникации.

Список литературы

- Азарова Н. М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.
- Баран Х.* К проблеме идеологии Хлебникова (мифотворчество и мистификация) // Россия / Russia. М., 1999. Вып. 3 (11).
- Бобринская Е. А.* Заумный язык, беспредметность и «опыт толпы» // 1913: слово как таковое: к юбилейному году русского футуризма: Материалы междунар. науч. конф. (Женева, 10–12 апреля 2013 г.). СПб., 2015.
- Григорьев В. П.* Велимир Хлебников. Опыт описания идиостиля // Григорьев В. П. Будетлянин. М., 2000.
- Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013.
- Демьянков В. З.* Образы языка в контрастивном освещении // Критика и семиотика. 2014. № 2.
- Джолас Ю.* Революция языка и Джеймс Джойс // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006.
- Джолас Ю.* Революция языка: Декларация // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006.
- Иоффе Д.* Прагматика и жизнотворчество (еще раз о концепции авангарда у М. И. Шапира) // Philologica. 2012. Vol. 9, № 21–22.
- Корнуэлл Н.* Джойс и Россия. СПб., 1998.
- Крученых А.* Новые пути слова // Манифесты и программы русских футуристов. München, 1967.
- Маклюэн М.* Джеймс Джойс: тривиальное и четвериальное // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006.
- Перцов Н. В., Перцова Н. Н.* О «синтаксической неологии» Хлебникова // Творчество В. Хлебникова и русская литература: Материалы IX Международных Хлебниковских чтений 8–9 сентября 2005 г. Астрахань, 2005.
- Перцова Н. Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.
- Скидан А. В.* Тезисы к политизации искусства и другие тексты. СПб., 2014.
- Фещенко В. В.* Transition: опыт трансатлантического авангарда // Семиотика и авангард: Антология. М., 2006.

- Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М., 2014.
- Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. Саратов, 1998.
- Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1933. Т. 5.
- Хлебников В. Творения. М., 1986.
- Шапир М. И. Эстетический опыт XX века: авангард и постмодернизм // *Philologica*. 1995. Т. 2, № 3/4.
- Якобсон Р. О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1911–1998. М., 2000.
- Arendt H. *Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought*. New York, 1968.
- Jay M. *The Virtues of Mendacity: On Lying in Politics*. Virginia, 2010.
- Jolas E. A Review // *transition*. 1928. № 12, March.
- Jolas E. *Man from Babel*. New Haven; London, 1998.
- Jolas E. *Eugene Jolas: Critical Writings, 1924–1951*. Evanston, 2009.
- McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto, 1962.
- McMillan D. «*transition*»: The History of a Literary Era 1927–1938. New York, 1976.
- Ogden Ch. K. *Basic English: A General Introduction and Rules and Grammar*. London, 1932.
- Ogden Ch. K. *The System of Basic English*. New York, 1934.
- Perloff M. «Logocinéma of the Frontiersman»: Eugene Jolas's Multilingual Poetics and Its Legacies' // *Differentials: Poetry, Poetics, Pedagogy*. Tuscaloosa, 2004.
- Rabaté J.-M. Joyce and Jolas: Late Modernism and Early Babelism // *Journal of Modern Literature*. 1999. Vol. 22. No. 2.
- Rutra Th. Poems // *transition*. 1927. № 11.
- Sailer S. Sh. Universalizing Languages: «Finnegans Wake» Meets Basic English // *James Joyce Quarterly*. 1999. Vol. 36. No. 4.

Article metadata

Title: Conceptions of the «Global» and «Universal» Language in the Russian and American Avant-Garde

Author: O. V. Sokolova

Author's e-mail: faustus3000@gmail.com

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Abstract: The paper analyzes some interpretation strategies of the novel, universal super-language that is presented in the Russian futurism and the American avant-garde. A crisis of symbolism, as well as awareness of a cultural

and socioeconomic turn, initiated the emergence of new semiotics theories, the universalization of the standardized language of cliché and the development of new communication possibilities. The common idea of language universalization was implemented in different variants of development in the Russian and American culture-language contexts. James Joyce and Eugene Jolas' theories of the «pan-linguistic synthesis» are in opposition to Charles Kay Ogden's utilitarian oriented «Basic English» theory that was presented in the literary journal *transition* in an attempt to search for a «universal language». The Babylonian theory of the American avant-garde is compared to and contrasted with the theory of Russian Futurists (Velimir Khlebnikov, first of all), that focused on searching for a protolanguage and «approaching the world language in fetus» simultaneously.

Key terms: universal language, inter-linguistic synthesis, transnational communication, Russian Futurism, American avant-garde.

Reference literature (in transliteration):

Azarova N. M. Jazyk filosofii i jazyk poezii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst). M., 2010.

Baran H. K probleme ideologii Hlebnikova (mifotvorchestvo i mistifikacija) // Rossija / Russia. M., 1999. Vyp. 3 (11).

Bobrinskaja E. A. Zaumnyj jazyk, bespredmetnost' i «opyt tolpy» // 1913: slovo kak takovoe: k jubilejnomu godu russkogo futurizma: Materialy mezhdunar. nauch. konf. (Zheneva, 10–12 aprelja 2013 g.). SPb., 2015.

Grigor'ev V. P. Velimir Hlebnikov. Opyt opisanija idiosilja // Grigor'ev V. P. Budetljanin. M., 2000.

Grojs B. Gesamtkunstwerk Stalin. M., 2013.

Dem'jankov V. Z. Obrazy jazyka v kontrastivnom osveshhenii // Kritika i semiotika. 2014. № 2.

Jolas J. Revoljucija jazyka i Džejms Džejms // Semiotika i avangard: Antologija. M., 2006.

Jolas J. Revoljucija jazyka: Deklaracija // Semiotika i avangard: Antologija. M., 2006.

Ioffe D. Pragmatika i zhiznetvorchestvo (eshhe raz o koncepcii avangarda u M. I. Shapira) // Philologica. 2012. Vol. 9, № 21–22.

Cornwell N. Džejms i Rossija. SPb., 1998.

Kruchenyh A. Novye puti slova // Manifesty i programmy russkih futuristov. München, 1967.

McLuhan M. Džejms Džejms: trivial'noe i chetverial'noe // Semiotika i avangard: Antologija. M., 2006.

Percov N. V., Percova N. N. O «sintaksicheskoy neologii» Hlebnikova // Tvorchestvo V. Hlebnikova i russkaja literatura: Materialy IX Mezhdunarodnyh Hlebnikovskih chtenij 8–9 sentjabrja 2005 g. Astrahan', 2005.

Percova N. N. Slovar' neologizmov Velimira Hlebnikova. Wien; Moskau, 1995.

- Skidan A. V.* Tezisy k politizacii iskusstva i drugie teksty. SPb., 2014.
- Feshhenko V. V.* Transition: opyt transatlanticheskogo avangarda // Semiotika i avangard: Antologija. M., 2006.
- Feshhenko V. V., Koval' O. V.* Sotvorenije znaka. Ocherki o lingvojestetike i semiotike iskusstva. M., 2014.
- Freud S.* Massovaja psihologija i analiz chelovecheskogo «Ja» // Psihologija mass. Saratov, 1998.
- Hlebnikov V.* Sobranie proizvedenij. L., 1933. T. 5.
- Hlebnikov V.* Tvorenija. M., 1986.
- Shapir M. I.* Jesteticheskij opyt XX veka: avangard i postmodernizm // Philologica. 1995. T. 2, № 3/4.
- Jakobson P. O.* Novejšhaja russkaja poezija. Nabrosok pervyj: Podstupy k Hlebnikovu // Mir Velimira Hlebnikova: Stat'i. Issledovanija. 1911–1998. M., 2000.
- Arendt H.* Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. New York, 1968.
- Jay M.* The Virtues of Mendacity: On Lying in Politics. Virginia, 2010.
- Jolas E.* A Review // transition. 1928. № 12, March.
- Jolas E.* Man from Babel. New Haven; London, 1998.
- Jolas E.* Eugene Jolas: Critical Writings, 1924–1951. Evanston, 2009.
- McLuhan M.* The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto, 1962.
- McMillan D.* «transition»: The History of a Literary Era 1927–1938. New York, 1976.
- Ogden Ch. K.* Basic English: A General Introduction and Rules and Grammar. London, 1932.
- Ogden Ch. K.* The System of Basic English. New York, 1934.
- Perloff M.* «Logocinéma of the Frontiersman»: Eugene Jolas's Multilingual Poetics and Its Legacies' // Differentials: Poetry, Poetics, Pedagogy. Tuscaloosa, 2004.
- Rabaté J.-M.* Joyce and Jolas: Late Modernism and Early Babelism // Journal of Modern Literature. 1999. Vol. 22. No. 2.
- Rutra Th.* Poems // transition. 1927. № 11.
- Sailer S. Sh.* Universalizing Languages: «Finnegans Wake» Meets Basic English // James Joyce Quarterly. 1999. Vol. 36. No. 4.